

О ПАРОДИЙНОСТИ «АНДРЕЯ КОЛОСОВА» И. С. ТУРГЕНЕВА

Цель предлагаемой статьи – описать те черты рассказа И. С. Тургенева «Андрей Колосов», которые позволяют говорить о нем, как о пародийном произведении, иронически трактующем романтические каноны. Следует заметить, что упомянутое произведение почти не попало в поле зрения литературоведения. И причину этому в свое время нашел сам И. С. Тургенев. Он писал Я. П. Полонскому, попросившему у него разрешения ввести в свой роман «Дешевый город» эпизод с упоминанием анализируемого рассказа: «Мне очень лестно, что ты хочешь упомянуть об одном из моих первых произведений; но вот что я должен тебе заметить. „Андрей Колосов“ явился в „Отечественных записках“ в 1844-м году – и прошел, разумеется, совершенно бесследно. Молодой человек, который в то время обратил бы внимание на эту повесть, был бы в своем роде феномен. Таких вещей молодые люди не читают: они не могут (да и, говоря по справедливости, не заслуживают этого) обратить на себя их внимания. – А впрочем – как знаешь» [цит. по: 3, с. 557]. А не мог он «обратить на себя внимания» именно потому, что противоречит романтическим идеалам молодости.

Нет никакого сомнения в том, что возникшая в середине XIX столетия «натуральная школа» сформировала новые представления о том событийном и персонажном пространстве, которое может и должно быть «предметом литературы». Представители этой школы «способствовали пробуждению внимания к простым «бывалым» людям, будничным проявлениям жизни, повышали ценность обыденного в литературе» [5, с. 31]. Именно поэтому в произведениях писателей «натуральной школы» появляются новые герои, немислимые в произведениях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Таковы, например, разночинцы – главные герои повести А. И. Герцена «Доктор Крупов», незаконченного романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» и многих других. Среди этих произведений очень важное место занимает рассказ И. С. Тургенева «Андрей Колосов», который благодаря своей живости и яркости даже ввел в заблуждение Ф. М. Достоевского, написавшего своему брату Михаилу: «Прочти его повесть в „Отечественных записках“ „Андрей Колосов“. – Это он сам, хотя и не думал тут себя выставлять» (цит. по: [7]). Конечно же, никто сейчас не может всерьез утверждать, что эта повесть автобиографична, хотя, без сомнения, некоторые черты автора и его друзей отмечаются как у главного героя, так и у других персонажей. Так, например, Л. В. Крестова [6] очень убедительно показывает, что в историю любви рассказчика к Варе привнесено очень много связанного с любовью И. С. Тургенева к Татьяне Бакуниной. Как пишут А. Н. Дубовиков и Е. Н. Дунаева, «автобиографичен также в повести ряд бытовых деталей из жизни рассказчика: поступление его в Московский университет, пребывание в доме немецкого профессора, упоминание о собаке Армишке» [3, с. 554].

Однако, на наш взгляд, эта автобиографичность важна только потому, что она стала лишь мотивом, причиной написания рассказа, который, кстати, получил очень хорошие оценки у демократических критиков. В. Г. Белинский, в частности,

писал: «„Андрей Колосов“ г. Т. Л. – рассказ чрезвычайно замечательный по прекрасной мысли: автор обнаружил в нем много ума и таланта, а вместе с тем и показал, что он не хотел сделать и половины того, что бы мог сделать, оттого и вышел хорошенький рассказ там, где следовало выйти прекрасной повести» [1]. Эта оценка повторяется в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года». При этом, правда, критик указал на художественное несовершенство повести: «Он <Тургенев> пробовал себя и в повести: написал „Андрея Колосова“, в котором много прекрасных очерков характеров и русской жизни, но, как повесть, в целом это произведение до того странно, не досказано, неуклюже, что очень немногие заметили, что в нем было хорошего. Заметно было, что г. Тургенев искал своей дороги и всё еще не находил ее, потому что это не всегда и не всем легко и скоро удается» [2].

Вот здесь уже и заложено некоторое противоречие. Как видим, даже В. Г. Белинский не смог определиться с тем, что же перед нами – повесть или рассказ. В одном месте он говорит о том, у Тургенева «вышел хорошенький **рассказ** (выделено нами – И.Ш.) там, где следовало выйти прекрасной повести», а в другом – «Он <Тургенев> пробовал себя и в **повести** (выделено нами – И.Ш.): написал „Андрея Колосова“».

На наш взгляд, В. Г. Белинский не совсем точно определил мотив написания «Андрея Колосова», требуя от него не того, ради чего он был написан, а того, что мыслилось ему как актуально важное и необходимое. Для великого критика интересен сам ход описываемых событий, достаточно неожиданный, если сравнивать с господствующей в то время романтической традицией. Вместо бушующего мира страстей невинной и сильной любви – бытовая история, абсолютно противоречащая всем канонам романтической поэтики. При этом – с явным намеком на стремление следовать этим канонам. Отсюда постоянные отсылки к каноническим романтическим и сентименталистским произведениям – «Цыганам» А. С. Пушкина, «Вечерам...» Н. В. Гоголя, «Абидосской невесте» и «Стансам» Дж. Байрона и т.д. Мы считаем, в связи с этим, что основная идея рассказа отнюдь не в осуждении «прекраснодушной мечтательности, натянутых, ложных чувств, восторженно-романтической фразеологии и утверждение простоты, естественности, разумного такта действительности» [3, с. 554], хотя и это можно, несомненно, найти в тексте, а, скорее всего, эстетическая, литературная борьба с романтизмом, что, впрочем, не отрицается и авторами приведенной цитаты: «Повестью „Андрей Колосов“ Тургенев не только сводил счеты с собственным юношеским романтизмом и восторженной мечтательностью; он включался и в общую борьбу с обветшалыми, но еще живучими романтическими традициями» [3, с. 555]. Это не повесть, а рассказ, рассказ-пародия на

романтические творения. И с этой точки он абсолютно закончен и самодостаточен, поскольку, без сомнения, полностью выполняет свою миссию.

Пародирование романтизма основано в рассказе, как это не странно, на абсолютизации принципа романтической иронии, реализованной не как «противоречивость, подвижность, неокончателность всякой истины, постоянно, бесконечно возобновляющееся взаимодействие противоречивых сил» [4], а как «раскрытие» движущей причины поступка: «скажите правду: не случилось ли вам сидеть и курить трубку с таким уныло-величественным видом, как будто вы только что решились на великий подвиг, а вы просто размышляете о том, какого цвета сшить себе панталоны?» [8, с. 20]. При этом оказывается, что всякое внешне величественное, романтическое событие, в сущности, становится только ширмой для чего-то обыденного и малоценного.

Иронией пронизано все. Везде присутствует насмешка над «романтичностью» событий. Сама история, изначально представлявшаяся как романтическое повествование о любви, смерти и т.д., на самом деле превращается в свою противоположность. На схожесть с «романтическими страстями» по всему тексту рассказа разбросаны самые разнообразные намеки – это и томик Карамзина в руках главной героини, связывающий сюжет повествования с «трагической судьбой «Бедной Лизы», и появившийся перед развязкой действия абсолютно не связанный с ним эпизод с появлением Пузырицына, недоучившегося студента, одного из сочинителей романов, известных под именем «московских», или «серых». Напомню, что он представил на суд Колосова какой-то «отрывок». Рассказчик говорит: «Я стал слушать: дело шло о юноше, который любил деву, убивает ее и т. д. Наконец, Пузырицын кончил и удалился. Его нелепое сочинение, восторженно крикливый голос, вообще его присутствие возбудило в Колосове насмешливую раздражительность» [8, с. 31]. К средствам нагнетания «ужасной» романтической развязке следует отнести и цитату из пушкинских «Цыган»: «что было, то не будет вновь...» и многое другое.

Проникаясь этими намеками, читатель ждет трагической развязки, но реальность оказалась значительно проще и смешнее. И Колосов, и рассказчик не погружаются в пучину страстей. Сначала Колосов охладевает к Варе. Господин N (рассказчик) пытается вернуть его в лоно романтической влюбленности: «„Андрей, – сказал я ему, – тебе не жаль ее?.. Если б ты видел ее слезы...” И я пустился красноречиво описывать свое вчерашнее посещение. Я действительно был тронут» [8, с. 31]. Но Колосов не проникается желанием все исправить: «Варя прекрасная девушка, – продолжал он, – и ни в чем передо мной не виновата... Напротив, я ей многим обязан, очень многим. Я перестал ходить к ней по весьма простой причине – я разлюбил ее...» [8, с. 32]. Благородный и влюбленный герой-рассказчик решает заменить своего друга: «Я воображал себе, какой благодарностью преисполнится сердце Вари, когда я, товарищ и поверенный Колосова, предложу ей свою руку, зная, что она безнадежно любит другого» [8, с. 35]. Но, в конце концов, и он избавляется от своего «романтического порыва»: «Я не вернулся более к Ивану Семенычу. Правда, первые дни моей добровольной

разлуки с Варей не прошли без слез, упреков и волнений; я сам был испуган быстрым увяданием моей любви; я двадцать раз собирался ехать к ней, живо представлял себе ее изумление, горе, оскорбление, но – не вернулся к Ивану Семенычу. Я заочно просил у ней прощения, заочно становился перед ней на колени, уверял ее в своем глубоком раскаянии — и как-то раз, встретив на улице девушку, слегка похожую на нее, пустился бежать без оглядки и отдохнул только в кондитерской, за пятым слоеным пирожком» [8, с. 39]. И что же? А ничего. Ничего такого, что было бы логичным в романтическом произведении, не происходит – ни героиня, ни герои в рассказе не приходят к трагической развязке. Все просто: «– А что случилось с Варей? – спросил кто-то. – Не знаю, – отвечал рассказчик. Мы все встали и разошлись» [8, с. 40].

С самого начала рассказа возникает глобальная проблема поиска романтического героя. У участников беседы, являющейся введением в историю Андрея Колосова, возникает желание описать значительную личность, в сущности – личность романтическую: «Послушайте: я предлагаю каждому из вас, уж если на то пошло, описать нам какую-нибудь необыкновенную личность, рассказать нам свою встречу с каким-нибудь замечательным человеком» [8, с. 16]. Однако сразу же подчеркивается то, что найти такую замечательную личность очень сложно. Один из персонажей заявляет: «Странное дело, – заметил один из нас, большой шутник, – кроме самого себя, я не знаю ни одного необыкновенного человека, а моя жизнь вам всем, кажется, известна. Впрочем, если прикажете...» [8, с. 16]. В конце концов, тот, кто предложил рассказать о необыкновенной личности, сам и рассказывает о ней. Правда, следует сказать, что не такая уж она и необыкновенная. Герой повести – разночинец, студент. Это не герой, ведущий за собой народы. Это «маленький человек», который, несмотря ни на что, все-таки «владеет умами», влечет к себе и влечет за собой: «Я к нему привязался так сильно, как после того не привязывался ни к одной женщине. И между тем мне и теперь не совестно вспомнить эту странную любовь – именно любовь, потому что я, помнится, испытал тогда все терзания этой страсти, например, ревность» [8, с. 19]. Только вот из повествования абсолютно непонятно, что же стало причиной такой любви – нигде ничего не говорится о каких-то выдающихся и благородных поступках Колосова. На наш взгляд, в рассказе черты романтического героя передаются абсолютно «негероической личности», просто обаятельному человеку, который способен даже на неблагоприятные поступки. А как еще назвать то, что он, очаровав девушку, в середине рассказа ее просто забывает, причем, возможно, повинувшись запрету другого человека, и даже не пытаюсь противоборствовать этому запрету: «„Полно! – сказал я ему, – полно! Я знаю, почему ты перестал ходить к Варе”. – „Почему?” – „Танюша тебе запретила”. Сказав эти слова, я вообразил, что сильно уязвил Андрея. Эта Танюша была весьма „легкая” барышня, черноволосая, смуглая, лет двадцати пяти, развязная и умная как бес, Щитов в женском платье. Колосов ссорился и мирился с ней раз пять в месяц. Она страстно его любила, хоть иногда, во время размолвки,

божилась и клялась, что жаждет его крови... Да и Андрей не мог бы обойтись без нее. Колосов посмотрел на меня и спокойно проговорил: „Может быть”. – „Не может быть, – закричал я, – а наверное!”» [8, с. 22].

Кстати, и друзья «романтического» героя тоже карикатурны. Оба они нужны были ему (да и И. С. Тургеневу тоже) не для «подвигов», а только для того, чтобы играть в карты с отцом героини. Причем эта игра нужна была не для нагнетания романтической ситуации, когда друзья, не щадя живота своего, стремятся помочь Колосову организовать романтическое свидание с Варей, поскольку не Колосов придумал эту игру. Все значительно проще: «В один прекрасный вечер Андрей сидел с ней в саду и болтал о чем-то. Иван Семеныч подошел к ним, угрюмо посмотрел на Варю и отозвал Андрея в сторону. „Послушай, братец, – сказал он ему, – тебе, я вижу, весело болтать с моей единокровной, а мне, старику, скучно; приведи-ка кого-нибудь с собой, а то мне не с кем в карты перекинуть; слышишь? Одного тебя я пускать не стану”» [8, с. 25]. Они нужны только для того, чтобы не скучал отец героини, который абсолютно не противится «слиянию сердец».

Кстати, как пародия выглядит и сама ситуация замены друга романтического героя. Вместо умершего Гаврилова Колосов «рекрутирует» господина N. Это происходит в ореоле романтической тайны: «Он медленно вошел и сел подле меня. „Я пришел к тебе, – начал он довольно глухим голосом, – потому что ты более всех других меня любишь... Я потерял своего лучшего друга, – голос его слегка задрожал, – чувствую себя одиноким... Вы все не знали Гаврилова... вы не знали...” Он встал, походил по комнате и быстро подошел ко мне... „Хочешь ли ты заменить мне его? ” – сказал он и подал мне руку. Я вскочил и бросился к нему на грудь. Моя искренняя радость его тронула...» [8, с. 21] Но оказывается, что заменить старого друга нужно не для подвигов, а только для того, чтобы развлечь отца Вари – Ивана Семеныча.

Итак, рассказ И. С. Тургенева представляет собой, по нашему убеждению, очень тонкую и качественную пародию на романтические произведения. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет дать полную панораму пародийных моделей, представленных в рассматриваемом рассказе. Надеемся, что мы сможем описать их в последующих наших статьях.

Литература

1. Белинский В. Г. Русская литература в 1843 г. / В. Г. Белинский. – Режим доступа : <http://bookee.ru/catalog/classic/belinskijj-v-g-russkaja-literatura-v-1842-godu/>
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года / В. Г. Белинский. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml
3. Дубовиков А. Н. Андрей Колосов : комментарии / А. Н. Дубовиков, Е. Н. Дунаева // И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем : в 30-ти томах. – Т. 4. – М., 1980. – С. 553-562.
4. Головенкина Е.В. Романтическая ирония в художественной системе М.Ю.Лермонтова (поэмы «Тамбовская казначейша», «Сашка») /

Е. В. Головенкина // Сервер конференций СГУ. – Режим доступа : <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=1041>.

5. Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века / В. И. Кулешов. – М. : Просвещение, 1965. – 300 с.

6. Крестова Л. В. Татьяна Бакунина и Тургенев / Л. В. Крестова // Тургенев и его время : сборник научных статей. – М., 1923. – С. 31-50.

7. Лотман Л. М. Тургенев, Достоевский и литературная полемика 1845 года / Л. М. Лотман. – Режим доступа : <http://lotman.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5892>.

8. Тургенев И. С. Андрей Колосов / И. С. Тургенев // Избранные произведения. – М. Детская литература, 1967. – С. 15-40.

Аннотация

Шишкина И. Е. О пародийности «Андрея Колосова» И. С. Тургенева

В предлагаемой статье рассказ И.С. Тургенева «Андрей Колосов» рассматривается как пародия на романтические произведения. Автор статьи описывает модели пародирования некоторых канонических принципов романтизма – романтического героя, романтического сюжета и т.д. Сама история, изначально подаваемая как романтическое повествование о любви и смерти, на самом деле превращается в свою противоположность – иронический рассказ о сбежавших поклонниках.

Ключевые слова: пародия, натуральная школа, романтизм, романтический герой, реализм.

Анотація

Шишкіна І. Е. Про пародійність «Андрія Колосова» І. С. Тургенєва

У пропонованій статті оповідання І.С. Тургенєва «Андрій Колосов» розглядається як пародія на романтичні твори. Автор статті описує моделі пародіювання деяких канонічних принципів романтизму – романтичного героя, романтичного сюжету тощо. Сама історія, спочатку подана як романтична розповідь про кохання й смерть, насправді перетворюється у свою протилежність – іронічне оповідання про шанувальників, що втекли.

Ключові слова: пародія, натуральна школа, романтизм, романтичний герой, реалізм.

Summary

Shishkina I. E. About the parody in “Andrey Kolosov” by I.S. Turgenev

In this article the story by I.S. Turgenev “Andrey Kolosov” is considered as the parody of a romantic work. The author describes the models of making parody of some canonical romantic principles such as romantic hero, romantic plot, etc. Initially the story is presented as romantic tale about love and death and further turns to be an opposite to itself, an ironic story about escaped admirers.

Key words: parody, natural school, romanticism, romantic hero, realism.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, доцентом Марченко Т.М.